

Европейский Союз в глобальной конкуренции юрисдикций

Аннотация. Международные правовые режимы — фактор упорядочения взаимоотношений между субъектами международных отношений, конструктивного взаимодействия, координации политики и разрешения противоречий. При возникновении коллизий взаимодействие правовых систем государств, региональных объединений и международных организаций может носить как взаимодополняющий, так и конкурентный характер, влияя на правовую квалификацию действий сторон. Состязательность проявляется при интерпретации действий одних и тех же субъектов в рамках разных юрисдикций. Столкновение интересов сторон, как подтверждают примеры из договорно-правовой практики отношений ЕС с США, Канадой и рядом других стран, вполне преодолимо. Сгусток противоречий, характеризующих современную обстановку на европейском континенте, придает экзистенциальный характер поиску всеми сторонами рациональной стратегии разрешения кризиса. Предназначение международного права — переводить противоречия в правовую плоскость во избежание эскалации напряженности в отношениях противоборствующих сторон. Объективная оценка позиций мировых центров сил и базовых правовых принципов, которыми они руководствуются в стратегии глобального присутствия, требует учета проблем, породивших смену прежней установки на «интеграцию интеграций» прямым столкновением сторон. Критический анализ ключевых направлений реализации Евросоюзом внешних компетенций, включая санкционное (с разной степенью эффективности, осуществляемых в последние годы), важно для понимания стратегии, которую осуществляет Брюссель. Нынешний кризис — серьезная проверка ЕС на стрессоустойчивость, а системы ценностей Союза — на жизнестойкость в неблагоприятных внешних условиях. Предмет рассмотрения в данной статье — реальные возможности Евросоюза предлагать альтернативу конфронтационному сценарию.

Ключевые слова: Европейский Союз; внешние компетенции; международное право; правовой режим; правовые нормы и принципы; договорно-правовые отношения; конкуренция юрисдикций; нормативно-правовая конкуренция; нормативная нейтральность; санкции.

Для цитирования: Лаптёнок В. О. Европейский Союз в глобальной конкуренции юрисдикций // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 11. — С. 174–190. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.174-190.

© Лаптёнок В. О., 2023

* Лаптёнок Виолетта Олежна, аспирант кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России
пр. Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454
viola160596@gmail.com

The European Union in Global Competition of Jurisdictions

Violetta O. Laptenok, Postgraduate Student, Department of Integration Law and Human Rights,
MGIMO University
pr. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454
viola160596@gmail.com

Abstract. International legal regimes are a factor in regulating relationships between subjects of international relations, constructive interaction, policy coordination and resolution of contradictions. When conflicts arise, the interaction of the legal systems of states, regional associations and international organizations can be both complementary and competitive in nature, affecting the legal qualification of the parties' actions. Competitiveness manifests itself in the interpretation of the actions of the same entities within different jurisdictions. The conflict of interests of the parties, as confirmed by examples from the contractual legal practice of relations between the EU and the USA, Canada and a number of other countries, is quite surmountable. The cluster of contradictions characterizing the current situation on the European continent gives an existential character to the search by all parties for a rational strategy for resolving the crisis. The purpose of international law is to put contradictions into the legal plane in order to avoid escalation of tension in relations between the warring parties. An objective assessment of the positions of the world centers of power and the basic legal principles that guide them in the strategy of global presence requires taking into account the problems that gave rise to the replacement of the previous attitude towards «integration of integrations» by a direct clash of the parties. A critical analysis of the key areas of the EU's implementation of external competencies, including sanctions (implemented with varying degrees of effectiveness in recent years), is important for understanding the strategy that Brussels is implementing. The current crisis is a serious test of the EU's resistance to stress, and of the Union's value system for resilience in unfavorable external conditions. The subject of this paper is the real possibilities of the European Union to offer an alternative to the confrontational scenario.

Keywords: European Union; external competencies; international law; legal regime; legal norms and principles; contractual and legal relations; competition of jurisdictions; regulatory competition; normative neutrality; sanctions.

Cite as: Laptenok VO. The European Union in Global Competition of Jurisdictions. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(11):174-190. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.174-190

В сфере международных отношений, где, по логике вещей, должно иметь место торжество универсальных ценностей, нарастает борьба между правовыми системами за доминирование в процессе выработки международных принципов, стандартов, норм и правил. Мир пребывает «в нестабильном переходном состоянии»¹, когда право, в известном смысле, всё более переходит в разряд «средств цивилизованного ведения» гибридных войн², что ставит

в повестку дня вопрос о выживаемости основополагающих международных институтов³.

В условиях обретающей всё более жесткий характер конкуренции на всех мировых площадках в активное противостояние со странами Запада вступила Россия. Это стратегическое соперничество и «гонка на выживание» сопровождается стремительно растущим накалом глобальной конкуренцией юрисдикций⁴. Весьма ощутимая в обычных обстоятельствах,

---

¹ Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века / под ред. В. И. Михайленко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 13.

² Совершенная форма войны — правовая / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации (ФПА РФ), 15.05.2019.

³ Лукьянов Ф. Когда предохранил становится запалом // Россия в глобальной политике. 31.08.2022. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/predohranitel-stanovitsya-zapalom/> (дата обращения: 30.10.2023).

⁴ Herbst J. E., Åslund A., Kramer D. J., Vershbow A., Whitmore B. Global Strategy 2022: Thwarting Kremlin Aggression Today for Constructive Relations Tomorrow // Atlantic Council Strategic Papers. Scowcroft Centre for Strategy and Security. Feb., 2022. P. 36.

она многократно обостряется при возникновении форс-мажорных и кризисных ситуаций. Объективная оценка способности ЕС предлагать свои варианты развития событий на европейском континенте, альтернативные эскалации конфронтации, и добиваться их реализации — показатель степени реального влияния этого интеграционного объединения как субъекта международных отношений на дальнейшую эволюцию обстановки на континенте; его способности обеспечивать — в правовом плане в роли субъекта международного права — легитимизацию своих действий и избранной стратегии в глазах международного сообщества, разочарованного «выхолащиванием принципов демократии», в том числе через международные структуры⁵.

В своей внешней проекции правовые режимы государств призваны обеспечивать наиболее благоприятные в сложившихся обстоятельствах условия ведения дел с контрагентами в международных отношениях. Достигается это через сложное взаимодействие сторон посредством взаимных компромиссов, обоюдных уступок и договоренностей. В экономическом отношении эффективность национального правового режима определяется привлекательностью условий ведения бизнеса, динамикой деловой активности, притока инвестиций и капиталовложений, статистикой роста предприятий малого и среднего бизнеса, в том числе с иностранным участием, показателями повышения уровня жизни и благосостояния граждан.

Опыт ЕС, ЕАЭС, БРИКС и других крупных региональных и глобальных проектов свидетельствует, что участие в подобных интеграционных объединениях — важный фактор, обеспечивающий существенное снижение транзакционных издержек предпринимательской деятельности. Совместное продвижение особых экономических, политических и иных интересов через региональные формирования существенно облегчает входящим в них государствам решение более широких задач по защите общих инте-

ресов в контексте взаимодействия с внешними партнерами.

Ведущие державы прагматично стремятся обратить сформированные ими системные взаимозависимости с внешними партнерами, оформленные в виде двусторонних договоров и многосторонних соглашений, в инструмент, обеспечивающий преимущества в реализации внешнеполитических задач. В целях усиления своего воздействия на «внешнюю среду» национальные и региональные правовые режимы активно соперничают за преимущественное влияние своих систем нормативно-правового регулирования за пределами собственной территориально-пространственной юрисдикции. Решение этой задачи существенно облегчается в случае международного признания правовой обоснованности и достоинств продвигаемых сторонами принципов многостороннего взаимодействия и их поддержки со стороны преобладающего большинства стран.

Фактическое обладание собственной материальной и ресурсной базой — будь то финансовые, технологические, интеллектуальные, сетевые, информационные источники, военнотехнические или иные средства — эффективно подкрепляет реализацию провозглашаемых принципов такого международного взаимодействия. Этот фактор облегчает завоевание широкой поддержки внешних инициатив и усилий по их продвижению. Международные режимы выступают в этом процессе инструментом упорядочения взаимоотношений между субъектами международных отношений посредством координации действий и, при необходимости, разрешения коллизий. Это крайне актуально, особенно в кризисных ситуациях. Декларируемой целью при этом является совершенствование и повышение качества международного сотрудничества, упрощение товарообмена, содействие интеллектуальному и научно-техническому прогрессу, расширение доступа к передовым технологиям и т.д.

⁵ Müller G., Raube K., Sus M., Deo A. Diversification of International Relations and the EU: Understanding the Challenges — Envisioning a New Governance Architecture for a Global Europe // ENGAGE Working Paper Series. No. 1. October 2021. P. 14.

Предполагается, что международные режимы охватывают совокупность «явных или подразумеваемых принципов, норм, правил и процедур принятия решений, в отношении которых обнаруживается совпадение ожиданий действующих субъектов»⁶. Поэтому эффективная внешняя демонстрация преимуществ национальных нормативно-правовых систем (а в случае ЕС — наднациональных) — составная часть общей стратегии ведущих стран мира и их группировок, включая Евросоюз, в глобальной конкуренции за влияние на универсальные нормы и стандарты. Подобная «внешняя проекция» национальной/наднациональной юрисдикции — своего рода компонент внешнеполитической стратегии. В случае ее успешной реализации внешние партнеры, присоединяясь к тому или иному «режиму», выражают готовность поступиться частью уже имеющихся у них прерогатив ради благоприятных предпосылок для внешнего взаимодействия на долгосрочной основе. Итогом является формирование глобальных правовых режимов и в конечном итоге мирового порядка.

Взаимодействие правовых режимов представляет интерес не только с точки зрения взаимопереплетения обязательств, принимаемых на себя участвующими сторонами в рамках двусторонних, региональных и международных договоров и соглашений, но и в плане взаимного влияния этих режимов при определении процедур урегулирования международных споров и разрешения разногласий политического, торгового, финансового и иного характера. Совпадение сфер, регулируемых в рамках разных правовых режимов, расширяет диапазон альтернативных возможностей, имеющихся в распоряжении участвующих сторон, повышая тем самым их маневренность в отстаивании своих интересов — в зависимости от ситуации — за счет механизмов как двусторонних режимов, так и/или региональных либо международных.

Евросоюз входит в тройку ведущих экономических систем мира. В восприятии внешних наблюдателей членство в ЕС стало устойчиво ассоциироваться с принадлежностью к «золотому миллиарду», «зоне комфорта», обширному и влиятельному геополитическому пространству, создающему ощущение благополучия и безопасности. Его процветание опирается на открытую глобальную экономическую систему, свободное движение четырех факторов производства, обширные и углубляющиеся партнерские связи с внешним миром. И, что очень важно, — на беспрепятственный доступ к мировым ресурсам, которые рассматриваются в Глобальной стратегии ЕС как «общее достояние человечества»⁷.

Стремительное расширение географических границ, возможность решения задач европейской интеграции за счет дешевых внешних ресурсов и благоприятная в целом общеполитическая атмосфера в регионе создали у Евросоюза ощущение перехода в фазу относительно беспрепятственного развития. Практически с момента своего образования Союз приступил к процессу консолидации обретенных «завоеваний» и «конкурентных преимуществ», закреплению своих лидирующих позиций в рамках сложившегося мирового порядка, последняя коррекция которого состоялась в завершающее десятилетие XX в. Основная ставка была сделана на «мягкую силу», систему благоприятного для ЕС нормативного регулирования региональных и международных отношений, сформированные при участии Евросоюза действующие стандарты функционирования «кровеносной системы» мировой экономики и укрепление обслуживающих ее интересы финансовых центров.

Сложившиеся правовые режимы закрепляют достигнутый к началу XXI в. баланс сил, фактически фиксируя зоны ответственности в соответствии с их распределением между центрами влияния. Ключевая их функция — свое-

⁶ Krasner S. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // International Organisation. 1982. Vol. 36. № 2. P. 185.

⁷ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. 2016. P. 7, 8.

временно предотвращать и разрешать возможные правовые и иные коллизии, подрывающие позиции архитекторов современного международного порядка. Что не снимает, однако, остроты постоянной конкуренции их собственных юрисдикций.

Обеспечение собственной безопасности по всему периметру границ осуществляется Европейским Союзом как непосредственно в прямых контактах с третьими странами, так и опосредованно через участие в многочисленных международных режимах (нераспространения ОМУ, соблюдения прав человека и т.д.), регулирование международных отношений в рамках многосторонних организаций (ООН, МВФ, ВТО, ВОЗ и др.) и соглашений (ГАТС и т.д.). При этом извлечению преимуществ из доминирования в многосторонних международных организациях отводится особая роль.

Участие стран в региональных объединениях и международных организациях и следование согласованным в этих рамках правовым режимам призваны служить фактором, сдерживающим крайние проявления глобальной конкурентной борьбы. Членство в региональных интеграционных альянсах является также формальным ограничителем возможностей участвующих стран автономно влиять в одностороннем порядке на изменение правового режима в той или иной регулируемой сфере деятельности.

Собственная правовая база внешних компетенций ЕС — ст. 216–219 ДФЕС — и многочисленные подписанные им международные соглашения позволяют Союзу активно участвовать в нормотворческой деятельности на глобальном уровне. Как и в период становления Европейского единого рынка, стандартизация на основе норм, продвигаемых Евросоюзом через специализированные международные правовые режимы, помноженная на экономию на масштабе европейского рынка, обеспечивает европейским корпорациям существенные дополнительные преимущества. Потому борьба за влияние на процессы стандартизации и контроль в этой

сфере международного сотрудничества традиционно носит особо острый характер.

Международная легитимизация и закрепление европейских норм и правил в международных стандартах существенно облегчают в последующем их использование в качестве предварительного условия, базовых принципов и основы формирования системы долгосрочных отношений с внешними партнерами уже на двусторонней и региональной основе. Упрощая Евросоюзу процесс продвижения своих экономических и политических интересов за пределами собственной юрисдикции, подобная практика позволяет ему оказывать всё более серьезное влияние на механизмы глобального управления, принципы, правила и системы менеджмента внешних партнеров, формируя их организационную подчиненность⁸.

Этим во многом объясняется то предпочтение, которое ЕС отдает в правовом отношении «цивилизованному продвижению» собственных правил через международные структуры, и та высокая активность, которой характеризуется участие Брюсселя в формировании международных и региональных правовых режимов. Степень восприимчивости третьих стран и их юрисдикций к таким нормам и стандартам выполняет функцию «нормативного фильтра», позволяющего определять как «правовую лояльность» Евросоюзу, так и его возможности сковывать свободу маневра своих внешних партнеров в «поле многовариантных политических ориентаций», альтернативных ЕС.

В то же время право ЕС, регламентирующее порядок осуществления дипломатической деятельности, остается еще во многом не унифицированным. С одной стороны, имеет место общая компетенция ЕС по осуществлению «внешней деятельности» и она регламентирована положениями части V ДФЕС («Компетенция ДФЕС»). С другой — существует специальная компетенция по реализации общей внешней политики и политики безопасности Евросоюза, которая регулируется собственными правилами и про-

⁸ EU Law Beyond EU Borders. The Exterritorial Reach of EU Law. Vol. XXVII/1 / ed. by M. Cremona, J. Scott. Oxford : University Press, 2019. P. 1.

цедурами — статьей 21(2) Договора о Европейском Союзе. При этом ключевую роль в определении внешних компетенций Евросоюза играет пункт «а» этой статьи (защита своих ценностей, основных интересов, безопасности, независимости и целостности), поскольку именно достижению этих целей подчинена вся внешнеполитическая деятельность Союза.

В западной юриспруденции термины «регулятивная конкуренция» и «межюрисдикционная конкуренция» зачастую сопровождаются такими определениями, как «гонка за первенство», «гонка уступок», «гонка по нисходящей»⁹, — когда в рамках реализации своих внешних компетенций страны и их правовые системы конкурируют между собой в борьбе за привлечение инвестиций, создание наиболее благоприятных условий для деловой активности, оптимизацию систем налогообложения, логистики и территориальной дислокации современных производств, управления технологическими процессами и т.д. Эта конкуренция юрисдикций может: а) побуждать к смягчению требований, регламентирующих производственные процессы; б) побуждать к ужесточению требований по допуску на рынки; в) служить основанием для консервации сложившейся специфики юрисдикций разных государств.

Подобная конкуренция правовых систем негативно влияет на деловую конъюнктуру и социальные стандарты. Создавая корпорациям возможность перенесения бизнеса в юрисдикцию с более низкими требованиями в области социальной защиты, она тем самым обеспечивает им ощутимые преимущества в зависимости от территориального размещения производственных мощностей и инфраструктуры. Благодаря этим факторам корпорации добиваются

дополнительных преимуществ перед конкурентами, оптимизируют структуру налогообложения, извлекая сверхприбыли.

Иллюстрируя растущую политизацию гонки юрисдикций в борьбе за перераспределение мировых финансовых потоков, утечка данных относительно масштабов офшоризации деятельности ведущих корпораций мира, ставших достоянием гласности в 2019 г., охватывала 1,3 млн транзакций с участием 238 тыс. компаний, в основном официально зарегистрированных в налоговых убежищах¹⁰.

В этой связи концепция «нормативной конкуренции» рассматривается в зарубежных исследованиях в сопоставлении с концепцией «нормативной нейтральности», призванной обеспечить конкурирующим между собой субъектам хозяйственной деятельности равные условия на основе единых нормативных требований и правил ведения дел. В этой системе отношений право одного субъекта всегда ограничивается правом другого. А предпочтительность применения той или иной из конкурирующих юрисдикций определяется, исходя из характера и условий международных договоров, регулирующих соответствующую сферу деятельности.

Однако даже формально нейтральные структуры, например Международной сети по вопросам конкуренции, представляют собой мощные механизмы влияния в лице национальных антимонопольных органов ведущих стран мира, обладающих компетенцией в области конкуренции, ее политической, доктринальной и правовой составляющих¹¹ и, соответственно, возможностями прямого и опосредованного влияния на разработку антимонопольной политики и реализацию правоприменительной практики¹².

---

⁹ Carruthers B. G., Lamoreaux N. R. Regulatory Races: The Effects of Jurisdictional Competition on Regulatory Standards // *Journal of Economic Literature*. 2016. Vol. 54. № 1. P. 52–97.

¹⁰ Garside J. Troika Laundromat Revelations Hit European Bank Shares // *The Guardian*. Mar. 5, 2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/05/troika-laundromat-revelations-hit-european-bank-shares> (дата обращения: 07.04.2023).

¹¹ Townley C., Guidi M., Tavares M. The Law and Politics of Global Competition: Influence and Legitimacy in the International Competition Network. London : Oxford University Press, 2022. P. 2.

¹² Townley C., Guidi M., Tavares M. Law and Politics of Global Competition: Why and How Non-state Actors Seek Influence in the International Competition Network // *Utilities Law Review*. 2022. Vol. 23. № 4. P. 139.

Ограниченность собственных ресурсов Евросоюза — ключевой побудительный мотив концентрации его усилий на внешних факторах поддержания динамики своего развития за счет гарантированного доступа к зарубежным источникам природных, демографических, трудовых, энерго- и других ресурсов, необходимых для устойчивой эволюции западноевропейского общества. Зеленый пакт для Европы, переход на низкоуглеродную экономику, внедрение экологически чистой энергетики, снижение уровня выбросов CO₂ в атмосферу и другие инициативы последних лет свидетельствуют, однако, о нахождении Евросоюза в плену надежд на, как и прежде, процветание, преимущественно за счет уступок и благорасположенности внешних партнеров. Эти расчеты эксперты считают все менее обоснованными, как и надежды ЕС на упрочение собственной экономической, политической и военной мощи с опорой на сложившийся миропорядок¹³.

Евросоюз уже столкнулся с серьезными и все возрастающими препятствиями в практической реализации стратегии геополитической экспансии и сохранения беспрепятственного доступа к эксплуатации ресурсной базы в зоне соседства и за ее пределами на выгодных для себя условиях торговых соглашений, в обмен на программы помощи в целях развития, предоставляемые Евросоюзом кредиты и инвестиции и с использованием иных внешнеполитических инструментов. Опора на «потенциал европейских ценностей»¹⁴ и инструменты «мягкой силы» под защитой собственных правовых стандартов, норм и правил, позволявшая достигать поставленных целей в периоды благополучия и благоденствия, оказалась не столь действенной в нынешней кризисной ситуации.

Использование внешними партнерами ЕС своих конкурентных преимуществ в интересах достижения геополитических целей побуждает Евросоюз к поиску асимметричного ответа. Среди ключевых направлений — использование эффекта масштаба европейского рынка и инвестиционных потоков для усиления давления на внешних партнеров, влияние на глобальные товарно-производственные цепочки, воздействие на формирование экономических и политических предпочтений третьих стран. В том числе посредством имеющегося у ЕС нормативного потенциала, широкого обращения к санкционным механизмам, возможностям внешнего управления ключевыми структурами подчиненных стран и вплоть до применения средств военно-технического назначения.

Римским договором, несмотря на общее положение о порядке и процедуре заключения договоров, было предусмотрено лишь два вида международных соглашений: соглашение об ассоциации и торговое соглашение. В обновленных учредительных договорах ЕС это положение дополнено нынешней статьей 252 Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС), применяемой ЕС, как правило, в увязке с одним из видов явных компетенций.

С 2006 г. ЕС отменил приостановленную было практику заключения двусторонних соглашений¹⁵ и к настоящему времени завершил ряд переговоров, подписав более 70 двусторонних торгово-экономических соглашений¹⁶. В том числе: 27 по экономическому партнерству (в том числе 1 в статусе временного применения с Ганой и 1 промежуточное с Кот-д'Ивуар); 15 по ассоциации (включая 9 об ассоциации, 5 об ассоциации с сильным торговым компонентом; 1 об ассоциации с дополнительным протоколом

¹³ Leonard M., Shapiro J. Sovereign Europe, Dangerous World: Five Agendas to Protect Europe's Capacity to Act. 2020. P. 18.

¹⁴ Strategic Autonomy for Europe — the Aim of Our Generation — Speech by President Charles Michel to the Bruegel think tank. Council of the EU. Speech 603/20. 28.09.2020. P. 3.

¹⁵ Global Europe: Competing in the World: A Contribution to the EU's Growth and Jobs Strategy. European Commission, Brussels, 04.10.2006 COM(2006) 567 final // URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2006:0567:FIN:en:PDF> (дата обращения: 08.04.2023).

¹⁶ Negotiations and Agreements. European Commission // URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/negotiations-and-agreements/> (дата обращения: 08.04.2023).

и 1 временное об ассоциации); 6 по стабилизации и ассоциации с балканскими странами; 3 по свободной торговле; 3 об установлении зоны свободной торговли; 3 о таможенном союзе (Андорра, Сан-Марино; Турция). Перечень включает: 2 соглашения по партнерству и сотрудничеству; 2 временных партнерских соглашения; 2 временных соглашения об экономическом партнерстве; 2 о всеобъемлющем и расширенном партнерстве (Армения, Канада); 2 глобальных соглашения (Япония; Мексика); 2 просто соглашения (Швейцария; Фарерские острова); 1 о торговле и сотрудничестве (Великобритания); 1 соглашение об экономической зоне с Исландией; 1 торговое соглашение (Перу, наряду с Колумбией и Эквадором); 1 временное об ассоциации; 1 глубокое и всеобъемлющее соглашение о свободной торговле и ассоциации (Украина)¹⁷.

По ряду направлений Евросоюз инициировал новый переговорный процесс по заключению более преференциальных соглашений, нежели в практике либо из ведущих мировых держав¹⁸. «Прорывным», по оценке занимавшего тогда пост председателя Европейской комиссии Ж. М. Баррозу, стало подписание между ЕС и Канадой, входящей в «Большую семерку», вступившего на временной основе в силу в 2017 г. Всеобъемлющего торгово-экономического соглашения (СЕТА)¹⁹ — «первого соглашения такого типа между двумя развитыми экономиками»²⁰. Этот документ, пришедший на смену прежнему Рамочному соглашению, предусматривает беспрецедентно высокие в договорно-правовой практике ЕС обязательства, в том чис-

ле в области охраны труда, защиты окружающей среды и устойчивого развития. Устранено 99 % (в том числе 98 % уже на стадии временного применения) всех тарифных ограничений между обеими сторонами. Товары и услуги (в сфере финансов, телекоммуникаций, энергетики, транспорта и т.д.) европейских поставщиков получили возможность прочно закрепиться на емком рынке Северной Америки.

Впервые Канада открыла для компаний ЕС возможность участвовать в тендерах на поставку продукции в рамках программ государственных закупок на всех уровнях — федеральном и субфедеральном. ЕС добился существенного повышения в Канаде уровня защиты интеллектуальной собственности, что было важным для европейского фармацевтического сектора, а также в области продовольственной безопасности и закрепления за европейской сельскохозяйственной продукцией определенного географического происхождения установленных в ЕС географических наименований — чего длительное время добивались европейские экспортеры. При этом признается соответствие требованиям Соглашения «импортируемых товаров, услуг и инвестиций, отвечающих внутренним требованиям, включая правила и положения»²¹. Соглашение — несомненный успех Евросоюза.

В то же время сопоставимость европейского и североамериканского рынков по объему, экономической мощи, темпам модернизации посредством целенаправленных законодательных инициатив и по численности потребителей — 444 млн в сменившей НАФТА Североамериканской зоне свободной торговли и более 510 млн

¹⁷ Составлено на базе официальных данных Еврокомиссии. См.: Negotiations and Agreements. European Commission.

¹⁸ Youngs R., Ülgen S. The European Union's Competitive Globalism in Rewiring Globalisation / ed. by S. Ülgen et al. Carnegie Europe. Carnegie Endowment for International Peace. Feb. 17, 2022. P. 52.

¹⁹ Comprehensive and Economic Trade Agreement (CETA) between Canada, of the one part, and the European Union and its Member States, of the other part // Official Journal of the European Union. L 11/23. 14.01.2017.

²⁰ EU and Canada conclude negotiations on trade deal. Press release. Oct. 18, 2013 // URL: <http://ec.europa.eu/trade/creating-opportunities/bilateral-relations/countries/canada/> (дата обращения: 08.04.2023).

²¹ Preamble, Joint Interpretative Instrument on the Comprehensive Economic and Trade Agreement (CETA) between Canada and the European Union and its Member States // Official Journal of the European Union. L 11/3. 14.01.2017 // URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22017X0114\(01\)&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22017X0114(01)&from=EN) (дата обращения: 08.04.2023).

у Европейского единого рынка²² — вывела обе стороны на новый виток глобального соперничества. Евросоюзом, наряду с рыночными механизмами экономического роста, в этом партнерстве-соперничестве активно используются политические инструменты, институциональные механизмы, процессы экономической глобализации, технологических сетевых взаимозависимостей, наконец, сам геополитический фактор расширения границ и, соответственно, сфер влияния ЕС. В процессе утверждения суверенитета собственной международной правосубъектности ЕС широко применяет также регуляторные внешнеполитические инструменты и механизмы.

В политическом плане европейцы ужесточили позиции в отношении Вашингтона, как правило, всякий раз, когда американские санкции задевали их стратегические интересы²³. Среди недавних примеров — проходившее с переменным успехом противостояние между Брюсселем и Вашингтоном вокруг «иранского досье» в контексте «ядерной сделки» с Тегераном. Выход США в 2018 г. из подписанного в июле 2015 г. Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) и восстановление Вашингтоном в полном объеме антииранских санкций²⁴ побудили Евросоюз к прямому оспариванию правомерности экстерриториального применения Соединенными Штатами своего национального законодательства за пределами собственной юрисдикции и его распространения посредством вторичных санкций на европейских партнеров.

В предшествующий период — в середине 1990-х гг., когда администрация Б. Клинтона и Конгресс США предприняли попытки интернационализации своих антииранских санкций, Евросоюз в целях защиты интересов европейских компаний от экстерриториальных санкций США принял Блокирующий статут, и Вашингтон отказался от их распространения на европейские компании. Напротив, в 2000-х гг. на уступки пошел уже ЕС, поддержав американские санкции, направленные против Ирана и КНДР. Восстановление экстерриториального действия американских антииранских санкций в 2018 г. и их распространение, например, на всех без исключения покупателей иранской нефти явились весьма чувствительным ударом, как по экономическим (к тому времени европейские компании уже основательно освоили иранский рынок), так и по политическим интересам ЕС.

В ответ Брюссель пошел на возобновление действия Блокирующего статута 1996 г.²⁵ Этот правовой документ позволяет европейским экономическим операторам «требовать возмещение убытков, возникших в результате применения экстерриториальных санкций США», нейтрализуя, таким образом, «действия на территории ЕС любых основанных на таких санкциях решений каких бы то ни было иностранных судебных инстанций»²⁶. Более того, «никакие решения не подпадающих под юрисдикцию Сообщества судебных инстанций, трибуналов или же административных органов, прямо или косвенно приводящих в исполнение (внешние)

²² 25 лет Европейскому единому рынку: главные достижения. От истоков Единого рынка до наших дней (1993–2018) // URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/25_let_evropeyskomu_edinomu_rynku.pdf (дата обращения: 07.04.2023).

²³ Тимофеев И. Н. Европа под огнем санкций США. Специальный доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» для Петербургского международного экономического форума. Июнь 2019. С. 14 // URL: ru.valdaiclub.com#valdaiclub (дата обращения: 18.02.2023).

²⁴ Executive Order 13846 of August 6, 2018. Reimposing Certain Sanctions with Respect to Iran // URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/08062018_iran_eo.pdf (дата обращения: 06.04.2023).

²⁵ Updating Blocking Statute in Support of Iran Nuclear Deal Enter into Force. August 6, 2018 // URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_4805 (дата обращения: 06.04.2023).

²⁶ Doc. 31996R2271. Council Regulation (EC) No. 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country, and actions based thereon or resulting therefrom.

законы или производящих основанные на них или вытекающие из них действия, не могут быть признаны или подлежать исполнению каким бы то ни было образом»²⁷. Речь здесь идет о Законе о национальной обороне на 1993 финансовый год²⁸; Законе о кубинской демократии 1992 года (разд. 1704 и 1706)²⁹; Законе о свободе Кубы и демократической солидарности (1996) (Закон Хелмса — Бэртона)³⁰; Законе о санкциях против Ирана и Ливии (1996)³¹. Тогда как «каждое государство-член должно определить санкции, которые должны быть наложены в случае нарушения любых соответствующих положений настоящего Регламента. Такие санкции должны быть пропорциональными и сдерживающими»³².

Право на возмещение любого ущерба, включая судебные издержки, имеет любое зарегистрированное юридическое или физическое лицо, являющееся резидентом ЕС и гражданином одного из его государств-членов по смыслу ст. 11 Блокирующего статута. Речь идет о лицах, находящихся на территории Сообщества, включая его воздушное пространство и территориальные воды, либо на борту воздушного или морского судна, осуществляющего операции под флагом одного из государств — членов ЕС. Это положение распространяется на международную торгово-экономическую, связанную с движением капиталов или сопутствующую им видам деятельность (ст. 1)³³.

Однако ЕС столкнулся с ситуацией «добровольного» — под страхом штрафных санкций со стороны Вашингтона — следования европейскими корпорациями экстерриториальному действию внутреннего законодательства США при сохранении (внешне) политической лояльности европейских компаний Брюсселю,

обеспечившему им собственную правовую поддержку.

В этом противостоянии юрисдикций ЕС принял немало посреднических усилий между США и Ираном по вопросу о восстановлении «ядерной сделки» с целью защиты интересов деловых кругов Евросоюза от негативного воздействия восстановленных Соединенными Штатами первичных и вторичных антииранских санкций против третьих стран. Наметившийся прогресс застыл в 2022 г. ввиду выдвинутых Тегераном дополнительных требований к администрации Дж. Байдена предоставить гарантии, исключающие возможность повторного отказа США от Соглашения, как это уже имело место при Д. Трампе в 2018 г. Однако пойти на такой шаг Вашингтон не решился, поскольку «ядерная сделка» приобретала бы уже характер политического соглашения, а не только юридически обязывающего договора.

Среди многочисленных примеров столкновения национальных юрисдикций в конкурентной борьбе государств и их объединений за сферы влияния — коллизии, связанные с экстерриториальным применением национального законодательства; блокирование иностранных активов; арест заграничных средств зарубежных стран и многие другие, узнаваемо характеризующие нынешнюю ситуацию глобального санкционного противостояния. Крайним проявлением расхождения интересов сторон становятся введение эмбарго, торговые войны и прямое военное противоборство. Именно в эту тревожную фазу вступила современная Европа.

Существенная подверженность Евросоюза внешнему влиянию со стороны США, кото-

²⁷ Art. 4. Doc. 31996R2271.

²⁸ H.R.5006 — National Defense Authorization Act for Fiscal Year 1993.

²⁹ Title XVII Cuban Democracy Act 1992, sections 1704 and 1706.

³⁰ Public Law 104–114, Cuban Liberty and Democratic Solidarity (Libertad) Act of 1996 (Helms — Burton Act). 22 USC 6021 note. Mar. 12, 1996 [H.R. 927] // URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-104publ114/pdf/PLAW-104publ114.pdf> (дата обращения: 07.04.2023).

³¹ Public Law 104–172: Iran and Libya Sanctions Act signed on 5 August 1996, U. S. Congress. URL: <https://www.congress.gov/104/plaws/publ172/PLAW-104publ172.pdf> (дата обращения: 09.04.2023).

³² Art. 9. Doc. 31996R2271.

³³ Art. 6. Doc. 31996R2271.

рые «в гораздо большей степени, чем Европа, способны к перепрограммированию мирового порядка»³⁴, его непоследовательность в отстаивании своих внешнеполитических и внешнеэкономических интересов вплоть до готовности действовать себе в ущерб питают нарастающий скептицизм среди европейских экспертов и многих политиков, предрекающих Евросоюзу удел скорее объекта конкурентной борьбы между ведущими глобальными центрами силы, нежели «автономного» субъекта международного права. Способность сохранять взвешенный подход к разрешению коллизий в кризисных ситуациях, оставаться приверженным правовым методам и рациональной линии поведения, как никогда, важны для ЕС в нынешних условиях, если он рассчитывает сохранить свою привлекательность в глазах внешних партнеров. Эти качества подверглись в последнее время серьезному испытанию.

Вместе с тем существуют и примеры решительного отстаивания Евросоюзом своих интересов и даже готовности широко применять санкции в отношении стран пятерки постоянных членов Совета Безопасности ООН — США, Китая, России, неустойчивых, ввиду обладания правом вето, к внешнему воздействию со стороны других субъектов международных отношений и даже по отношению к универсальным средствам сдерживания.

Выход Китая, России, Индии и ряда других «растущих экономик» на авансцену глобальной политики как держав, добивающихся пересмотра мирового порядка, уже не отвечающего их геополитическим ожиданиям, — самый серьезный вызов современному Западу³⁵. Разработка целым рядом экономически влиятельных стран обособленной системы двусторонних, региональных и многосторонних институтов под руководством «Новой Большой восьмерки» стран восходящей экономики, создание ими альтер-

нативных инструментов собственной финансовой безопасности — Нового банка развития, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, механизмов, связанных с инициативой «Один пояс, один путь» — создают угрозу их инициативного вычленения из существующей глобальной финансовой системы. Проводимые ими мероприятия существенно подтачивают основы сложившегося мирового порядка, в котором Евросоюз обладает ощутимыми «преференциями».

Привлекательным преимуществом этих альтернативных инициатив для третьих стран является отсутствие обременительной политической ангажированности и обусловленности финансовых транзакций, присущих деятельности ныне доминирующих мировых финансовых центров. В том числе ЕС, как крупнейшего в мире донора. Далеко не все внешние партнеры Евросоюза — получатели займов готовы беспрекословно выполнять политические и экономические указания извне, будь то голосование в международных организациях, предоставление своей территории под размещение иностранных военных баз или передача управления под внешний контроль.

Среди реальных экзистенциальных угроз, побудивших Евросоюз к «геополитическому пробуждению»³⁶, — события на Украине и на этом фоне осознание того, насколько высока зависимость его собственной внутренней безопасности от поддержания мира за пределами непосредственных границ ЕС. Являясь многосторонней системой, действующей в рамках более крупной, глобальной нелиберальной парадигмы, Европейский Союз предстал перед необходимостью определить свое место в зарождающемся качественно новом миропорядке, очертания которого все явственнее проступают в последние годы и, похоже, формируют новую реальность.

³⁴ *Лаптёнок В. О.* Великобритания: несостоявшийся европейский марьяж (в тисках Брекзита) // Наука, образование, культура. 2018. № 6 (30). С. 34.

³⁵ *Pickrell R., Choi D.* Former Navy SEAL Commander Says Putin has Outplayed the US and Russia is the Greatest External Security Threat // Business Insider. Feb. 5, 2021.

³⁶ *Scazzieri L.* The EU's Geopolitical Awakening? / Centre for European Reform. London — Brussels — Berlin, Mar. 3, 2022.

События показывают, что Евросоюз, изначально замышлявшийся как интеграционное объединение экономической направленности, пройдя — с разной степенью успеха — фазу формирования экономического и валютного союза, эволюционирует уже не только в политический, но и в военно-политический союз. И это качественно новая ситуация с далеко идущими последствиями, как в геополитическом плане, так и с международно-правовой точки зрения. Прямым подтверждением этого тезиса является существенно возросшая консолидация собственных рядов ЕС в «разогретой» до предела нынешней обстановке на европейском континенте и уже проявившиеся последствия такой динамики.

Неготовность ЕС к разработке и применению всеобъемлющих инструментов и механизмов защиты своих интересов от негативного воздействия вторичных американских санкций «компенсируется» существенно возросшей активностью на альтернативных направлениях. Структурные преобразования, проведение которых в зоне общего соседства стимулирует ЕС, всё более обретают характер целенаправленной стратегии по вытеснению России из глобального стратегического пространства. Основным инструментом реализации этой задачи в последние годы стали санкционные механизмы. Общий пакет антироссийских санкционных решений, принятых странами Запада с 2014 г., составил (по состоянию на 24 февраля 2023 г.) 14 153 ограничительные меры и только с февраля 2022 г. охватывал более 11 458 субъектов. Доля ЕС в этом пакете достаточно существенна (1 638) и только с февраля 2022 г. составляет 1 390 санкционных решений³⁷.

Одна из характерных особенностей современных европейских реалий — нарастающая конкуренция между Евросоюзом и другим

интеграционным проектом, представленным Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Особенно остро она ощущается в зоне «общего соседства», а фактически — на постсоветском пространстве, где условия участия разных стран в альтернативных правовых режимах зачастую являются взаимоисключающими, что подчеркивает конкурентный характер противоборствующих юрисдикций.

В целях повышения «восприимчивости» третьих стран к своим инициативам, усиления влияния в регионе и вовлечения стран зоны соседства в проекты европейской региональной интеграции Евросоюз в обмен на переход этих стран на стандарты ЕС предлагает им доступ к своему рынку «на предсказуемых, транспарентных и отвечающих требованиям ВТО условиях»³⁸. В том числе посредством введения режима и создания зоны свободной торговли, формирования ассоциированных и партнерских связей, а в отношении Украины и Молдовы — вплоть до статуса кандидатов на вступление в ЕС, предоставленного этим странам в июне 2022 г. даже без соблюдения ранее установленных требований.

Со своей стороны, в борьбе за расширение сферы охвата собственной юрисдикции, «преобразование ближнего зарубежья в зону мира, добрососедства, устойчивого развития и процветания» и формирование в долгосрочной перспективе «единого общеконтинентального» «интегрированного экономического и политического пространства в Евразии»³⁹ Россия встречно предоставляет странам, вовлеченным в единые с ней интеграционные проекты и программы, ощутимые стимулы и торгово-экономические преференции. В итоге с созданием Таможенного союза с участием России, Казахстана и Белоруссии (1995), а в последующем уже в более широком формате — ЕвразЭС (2000) и ЕАЭС (2015)

---

³⁷ Russia Sanctions Dashboard. Castellum.AI, Feb. 24, 2023.

³⁸ *Dragneva R., Delcour L., Jaroszewicz M., Kardas S., Ungureanu C.* How Bilateral, Regional and International Regimes Shape the Extent, Significance and Nature of Interdependencies. EU-STRAT Working Paper № 8. European Union's Horizon 2020, Freie Universität Berlin. March 2018. P. 13.

³⁹ Пп. 49, 54 и 49(5) Концепции внешней политики Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 31.03.2023 № 229 // Официальный сайт Президента России.

сформировано новое ядро постсоветского пространства⁴⁰ и закреплён «внешний круг» стран — партнеров России. Таким образом, обозначен нынешний периметр зоны российского влияния. Но и в более широком плане статьей 36 (Тарифные преференции в отношении товаров, происходящих из развивающихся стран и (или) наименее развитых стран) «Договора о Евразийском экономическом союзе» предусмотрено предоставление «тарифных преференций в отношении товаров, происходящих из развивающихся стран-пользователей единой системы тарифных преференций Союза» (ст. 36(1)) — в размере 75 % от ставок ввозных таможенных пошлин Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза (ст. 36(2)), а наименее развитых стран — «нулевые ставки» (ст. 36(3))⁴¹.

Это вывело на новый уровень и оказывает серьезное влияние не только на «интеграционное соперничество» на постсоветском пространстве и формирование политики стран, оказавшихся в «буферной зоне» соседства с ЕС, но и на динамику внутрирегиональных отношений на европейском континенте, но и в более широком глобальном контексте. О возрастающей конфронтационности противостояния на европейском континенте свидетельствуют неоднозначные международные оценки зеркальных политик стран НАТО белорусско-российских договоренностей в рамках Союзного государства относительно размещения на территории Белоруссии российского ядерного оружия⁴².

Подобная конкуренция ведущих мировых юрисдикций позволяет третьим странам, лавируя между полюсами, извлекать дополнительные экономические выгоды и дивиденды, побуждая противоборствующие в этом состязании центры, с одной стороны, постоянно повышать ставки и бонусы в отношении «лояльных»

партнеров, а с другой — ужесточать ограничительные меры в отношении «недружественно настроенных» стран.

Развитие ситуации на европейском континенте и переход глобальной конкуренции юрисдикций из стадии состязательности правовых режимов в фазу прямой военной конфронтации свидетельствует о вступлении Евросоюза в новую фазу своей эволюции, когда уже сформировалось понимание далеко не беспредельных границ беспрепятственной экспансии европейского интеграционного проекта и, следовательно, возрастающей зависимости его дальнейших перспектив от внешних факторов. Балансирование внутрирегионального противостояния на грани трансформации в *глобальное столкновение* становится все менее устойчивым. Единственным ограничителем, препятствующим такой эскалации, остается благоразумие участвующих сторон.

Конкуренция юрисдикций и правовых режимов — явление весьма распространенное в современной международной практике и само по себе международному праву не противоречит. В условиях такой конкуренции стабильность мирового порядка обеспечивается сбалансированностью интересов ведущих стран мира, обладающих необходимым экономическим и военно-политическим потенциалом для реализации своих стратегических устремлений. Достижимый в итоге компромисс закрепляется правовыми режимами.

Подтверждая отмеченное еще И. Кантом свойство правовых рамок предотвращать губительную и сохранять благотворную конкуренцию, международное право выполняет в этом процессе функцию системы коммуникации и перевода политических и экономических конфликтов в плоскость правовых разногласий, устраняя соблазн решать возникающие проблемы посредством прямой конфронтации.

⁴⁰ Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 04.10.2011.

⁴¹ Статья 36 Договора о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014; ред. от 24.03.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023).

⁴² Путин заявил о размещении тактического ядерного оружия в Белоруссии // lenta.ru. 26.03.2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/03/26/yadernoye/> (дата обращения: 31.03.2023).

В условиях стремительно меняющейся обстановки на европейском континенте и в мире происходит переоценка ценностей — как пересмотр своих приоритетов самим Евросоюзом, так и внешнего восприятия ЕС третьими странами — участниками многосторонних международных форумов и организаций. Сформировав разветвленную комплексную систему внешних связей по широкому спектру направлений, подпадающих под его внешние компетенции, — от классических внешнеторговых до продвижения демократии и собственной системы ценностей — ЕС продолжает эволюционировать как политико-правовая система *sui generis*, которая подвергается серьезному испытанию в условиях нового этапа трансформации мирового порядка. На наших глазах происходит постепенная трансформация и милитаризация Евросоюза. Кризис современной системы международных отношений является проверкой ЕС на стрессоустойчивость, а проповедуемой Союзом системы ценностей — на жизнестойкость в неблагоприятных для ЕС внешних условиях.

Использование Евросоюзом в качестве инструмента влияния и даже «гибридного оружия» глобальных взаимозависимостей, своего доминирующего положения в ряде сфер (распределение финансовых потоков, НИОКР, патентное право, искусственный интеллект и др.) международного «разделения труда» между основными центрами силы и достигнутого в силу разных исторических причин в рамках сложившегося мирового порядка превосходства на ряде направлений международного взаимодействия — реальный факт. Действенность применения этих

инструментов, однако, остается вопросом дискуссионным и подверженным влиянию политических соображений и идеологических предпочтений инстанций и субъектов, вовлеченных в процессы анализа и оценки. Введение в параметры и критерии анализа практики реализации внешних компетенции ЕС фактора эффективности с точки зрения степени достижения поставленных целей является инструментом политико-правового мониторинга реализации региональных и глобальных стратегий Евросоюза.

Позволяя институтам наднациональной надстройки ЕС в постоянном режиме отслеживать степень соответствия и продвижения к намеченным целям, это одновременно и индикатор необходимости внесения в них изменений, диктуемых меняющейся оперативной ситуацией и условиями геополитической обстановки. Подобные инструменты абсолютно необходимы для интеграционного объединения, претендующего не только на статус экономического и валютного союза, но и на роль политического и тем более уже военно-политического союза.

Ввиду возрастающих признаков агрессивности в использовании сложившихся сетевых и асимметричных взаимозависимостей в разных сферах взаимодействия ведущих центров сил остро ощущается необходимость в разработке норм и принципов международного права, регулирующих порядок реализации глобальных взаимозависимостей. Складываются условия для разработки нового вида, нового направления в международном праве — права реализации системных взаимозависимостей в рамках международного экономического порядка.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века / под ред. В. И. Михайленко. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. — 476 с.
2. Лаптёнок В. О. Великобритания: несостоявшийся европейский марьяж (в тисках Брекзита) // Наука, образование, культура. — 2018. — № 6 (30). — С. 30–36.
3. Лукьянов Ф. Когда предохранитель становится запалом // Россия в глобальной политике. — 31.08.2022. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/predohranitel-stanovitsya-zapalom/> (дата обращения: 30.10.2023).
4. Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. — 04.10.2011.

5. Путин заявил о размещении тактического ядерного оружия в Белоруссии // Lenta.ru. — 26.03.2023. — URL: <https://lenta.ru/news/2023/03/26/yadernoye/> (дата обращения: 31.03.2023).
6. Совершенная форма войны — правовая // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации (ФПА РФ). — 15.05.2019.
7. Тимофеев И. Н. Европа под огнем санкций США. Специальный доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» для Петербургского международного экономического форума. — Июнь 2019. — 20 с. // URL: ru.valdaiclub.com#valdaiclub (дата обращения: 18.02.2023).
8. 25 лет Европейскому единому рынку: главные достижения. От истоков Единого рынка до наших дней (1993–2018) // URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/25_let_evropeyskomu_edinomu_rynku.pdf (дата обращения: 07.04.2023).
9. Carruthers B. G., Lamoreaux N. R. Regulatory Races: The Effects of Jurisdictional Competition on Regulatory Standards // Journal of Economic Literature. — 2016. — Vol. 54. — № 1. — P. 52–97.
10. Dragneva R., Delcour L., Jaroszewicz M., Kardas S., Ungureanu C. How Bilateral, Regional and International Regimes Shape the Extent, Significance and Nature of Interdependencies. — EU-STRAT Working Paper. — № 8. — European Union's Horizon 2020. — Freie Universität Berlin. — March 2018. — 47 p.
11. EU and Canada conclude negotiations on trade deal. Press release. — Oct. 18, 2013 // URL: <http://ec.europa.eu/trade/creating-opportunities/bilateral-relations/countries/canada/> (дата обращения: 08.04.2023).
12. EU Law Beyond EU Borders. The Extraterritorial Reach of EU Law. Vol. XXVII/1 / ed. by M. Cremona, J. Scott. — Oxford : Oxford University Press, 2019. — 234 p.
13. Garside J. Troika Laundromat Revelations Hit European Bank Shares // The Guardian. — Mar. 5, 2019. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/05/troika-laundromat-revelations-hit-european-bank-shares> (дата обращения: 07.04.2023).
14. Global Europe: Competing in the World: A Contribution to the EU's Growth and Jobs Strategy. European Commission. — Brussels, 04.10.2006 — COM(2006) 567 final // URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2006:0567:FIN:en:PDF> (дата обращения: 08.04.2023).
15. Herbst J. E., Åslund A., Kramer D. J., Vershbow A., Whitmore B. Global Strategy 2022: Thwarting Kremlin Aggression Today for Constructive Relations Tomorrow. Atlantic Council Strategic Papers. Scowcroft Centre for Strategy and Security, Feb., 2022. — 64 p.
16. Krasner S. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // International Organisation. — 1982. — Vol. 36. — № 2. — P. 185–205.
17. Leonard M., Shapiro J. Sovereign Europe, Dangerous World: Five Agendas to Protect Europe's Capacity to Act. — 2020. — 60 p.
18. Müller G., Raube K., Sus M., Deo A. Diversification of International Relations and the EU: Understanding the Challenges — Envisioning a New Governance Architecture for a Global Europe // ENGAGE Working Paper Series. — № 1. — October 2021. — 53 p.
19. Negotiations and Agreements. European Commission // URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/negotiations-and-agreements/> (дата обращения: 08.04.2023).
20. Pickrell R., Choi D. Former Navy SEAL Commander Says Putin has Outplayed the US and Russia is the Greatest External Security Threat // Business Insider. — Feb. 5, 2021.
21. Scazzieri L. The EU's Geopolitical Awakening? / Centre for European Reform. — London — Brussels — Berlin. — Mar. 3, 2022.
22. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. — 2016.
23. Strategic Autonomy for Europe — the Aim of Our Generation. Speech by President Charles Michel to the Bruegel think tank / Council of the EU. — Speech 603/20. — 28.09.2020. — 3 p.
24. Summary of the 2018 National Defence Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge // URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-AbstractAbstract.pdf> (дата обращения: 07.04.2023).

25. Townley C., Guidi M., Tavares M. Law and Politics of Global Competition: Why and How Non-state Actors Seek Influence in the International Competition Network // *Utilities Law Review*. — 2022. — Vol. 23. — № 4. — P. 136–140.
26. Townley C., Guidi M., Tavares M. The Law and Politics of Global Competition: Influence and Legitimacy in the International Competition Network. — London : Oxford University Press, 2022. — 371 p.
27. Updating Blocking Statute in Support of Iran Nuclear Deal Enter into Force. — August 6, 2018 // URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_4805 (дата обращения: 06.04.2023).
28. Youngs R., Ülgen S. The European Union's Competitive Globalism in Rewiring Globalisation / ed. by S. Ülgen et al. — Carnegie Europe. Carnegie Endowment for International Peace. — Feb. 17, 2022. — 157 p.

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Asimmetrii regionalnykh integratsionnykh proektov XXI veka / pod red. V. I. Mikhaylenko. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2018. — 476 s.
2. Laptenok V. O. Velikobritaniya: nesostoyavshiysya evropeyskiy maryazh (v tiskakh Brekzita) // *Nauka, obrazovanie, kultura*. — 2018. — № 6 (30). — S. 30–36.
3. Lukyanov F. Kogda predokhranitel stanovitsya zapalom // *Rossiya v globalnoy politike*. — 31.08.2022. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/predokhranitel-stanovitsya-zapalom/> (дата обращения: 30.10.2023).
4. Putin V. V. Novyy integratsionnyy proekt dlya Evrazii — budushchee, kotoroe rozhdetsya segodnya // *Izvestiya*. — 04.10.2011.
5. Putin zayavil o razmeshchenii takticheskogo yadernogo oruzhiya v Belorussii // *Lenta.ru*. — 26.03.2023. — URL: <https://lenta.ru/news/2023/03/26/yadernoye/> (дата обращения: 31.03.2023).
6. Sovershennaya forma voyny — pravovaya // *Federalnaya palata advokatov Rossiyskoy Federatsii (FPA RF)*. — 15.05.2019.
7. Timofeev I. N. Evropa pod ognem sanktsiy SSHA. Spetsialnyy doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valday» dlya Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma. — Iyun 2019. — 20 s. // URL: ru.valdaiclub.com/#valdaiclub (дата обращения: 18.02.2023).
8. 25 let Evropeyskomu edinomu rynku: glavnye dostizheniya. Ot istokov Edinogo rynku do nashikh dney (1993–2018) // URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/25_let_evropeyskomu_edinomu_rynku.pdf (дата обращения: 07.04.2023).
9. Carruthers B. G., Lamoreaux N. R. Regulatory Races: The Effects of Jurisdictional Competition on Regulatory Standards // *Journal of Economic Literature*. — 2016. — Vol. 54. — № 1. — P. 52–97.
10. Dragneva R., Delcour L., Jaroszewicz M., Kardas S., Ungureanu C. How Bilateral, Regional and International Regimes Shape the Extent, Significance and Nature of Interdependencies. — EU-STRAT Working Paper. — № 8. — European Union's Horizon 2020. — Freie Universität Berlin. — March 2018. — 47 p.
11. EU and Canada conclude negotiations on trade deal. Press release. — Oct. 18, 2013 // URL: <http://ec.europa.eu/trade/creating-opportunities/bilateral-relations/countries/canada/> (дата обращения: 08.04.2023).
12. EU Law Beyond EU Borders. The Extraterritorial Reach of EU Law. Vol. XXVII/1 / ed. by M. Cremona, J. Scott. — Oxford: Oxford University Press, 2019. — 234 p.
13. Garside J. Troika Laundromat Revelations Hit European Bank Shares // *The Guardian*. — Mar. 5, 2019. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/05/troika-laundromat-revelations-hit-european-bank-shares> (дата обращения: 07.04.2023).
14. Global Europe: Competing in the World: A Contribution to the EU's Growth and Jobs Strategy. European Commission. — Brussels, 04.10.2006 — COM(2006) 567 final // URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2006:0567:FIN:en:PDF> (дата обращения: 08.04.2023).

15. Herbst J. E., Åslund A., Kramer D. J., Vershbow A., Whitmore B. Global Strategy 2022: Thwarting Kremlin Aggression Today for Constructive Relations Tomorrow. Atlantic Council Strategic Papers. Scowcroft Centre for Strategy and Security, Feb., 2022. — 64 p.
16. Krasner S. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // International Organisation. — 1982. — Vol. 36. — № 2. — P. 185–205.
17. Leonard M., Shapiro J. Sovereign Europe, Dangerous World: Five Agendas to Protect Europe's Capacity to Act. — 2020. — 60 p.
18. Müller G., Raube K., Sus M., Deo A. Diversification of International Relations and the EU: Understanding the Challenges — Envisioning a New Governance Architecture for a Global Europe // ENGAGE Working Paper Series. — № 1. — October 2021. — 53 p.
19. Negotiations and Agreements. European Commission // URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/negotiations-and-agreements/> (data obrashcheniya: 08.04.2023).
20. Pickrell R., Choi D. Former Navy SEAL Commander Says Putin has Outplayed the US and Russia is the Greatest External Security Threat // Business Insider. — Feb. 5, 2021.
21. Scazzieri L. The EU's Geopolitical Awakening? / Centre for European Reform. — London — Brussels — Berlin. — Mar. 3, 2022.
22. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. — 2016.
23. Strategic Autonomy for Europe — the Aim of Our Generation. Speech by President Charles Michel to the Bruegel think tank / Council of the EU. — Speech 603/20. — 28.09.2020. — 3 p.
24. Summary of the 2018 National Defence Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge // URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-AbstractAbstract.pdf> (data obrashcheniya: 07.04.2023).
25. Townley C., Guidi M., Tavares M. Law and Politics of Global Competition: Why and How Non-state Actors Seek Influence in the International Competition Network // Utilities Law Review. — 2022. — Vol. 23. — № 4. — P. 136–140.
26. Townley C., Guidi M., Tavares M. The Law and Politics of Global Competition: Influence and Legitimacy in the International Competition Network. — London: Oxford University Press, 2022. — 371 p.
27. Updating Blocking Statute in Support of Iran Nuclear Deal Enter into Force. — August 6, 2018 // URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_4805 (data obrashcheniya: 06.04.2023).
28. Youngs R., Ulgen S. The European Union's Competitive Globalism in Rewiring Globalisation / ed. by S. Ülgen et al. — Carnegie Europe. Carnegie Endowment for International Peace. — Feb. 17, 2022. — 157 p.